

М. А.
КУЗМИН

Избранное

Михаил Кузмин

Парнасские заросли

«Public Domain»

Кузмин М. А.

Парнасские заросли / М. А. Кузмин — «Public Domain», — (Заметки о литературе)

ISBN 978-5-457-32794-8

Критическая проза М. Кузмина еще нуждается во внимательном рассмотрении и комментировании, включающем соотнесенность с контекстом всего творчества Кузмина и контекстом литературной жизни 1910 – 1920-х гг. В статьях еще более отчетливо, чем в поэзии, отразилось решительное намерение Кузмина стоять в стороне от литературных споров, не отдавая никакой дани групповым пристрастиям. Выдаваемый им за своего рода направление «эмоционализм» сам по себе является вызовом как по отношению к «большому стилю» символистов, так и к «формальному подходу». При общей цельности эстетических взглядов Кузмина можно заметить, что они меняются и развиваются по мере того, как те или иные явления становятся историей. Так, определенную эволюцию претерпевают взгляды Кузмина на искусство символическое, которое он в 20-е гг. осмысляет более широко и более позитивно, чем в статьях 10-х гг. Несомненно, что война 1914 г. усилила в нем его «франкофильство» и отрицание немецкой культуры как культуры «большого стиля». Более многогранно и гибко он оценивает в 20-е гг. Анатоля Франса как типичного представителя латинской культуры. Мы предлагаем вниманию читателя несколько статей разных периодов, отчасти собранных в сборнике «Условности». Остальные статьи – из различных альманахов, журналов и сборников

ISBN 978-5-457-32794-8

© Кузмин М. А.

© Public Domain

Михаил Кузмин

Парнасские заросли

Английский путешественник Фома Корбэт, чтобы издать свое занятное путешествие, должен был выпросить у целого ряда знаменитых и не знаменитых поэтов стихотворных похвал этой книге.

Тут были произведения Бен-Джонсона, Дрейтона, Джона Донна и Джорджа Чепмана, были оды, сонеты, эпиграммы, акrostихи, по-английски, по-гречески, по латыни, на языке макароническом и даже «утопическом», соответствовавшем нашему заумному. Только с такими поэтическими окружениями странствия его нашли издателя, потому что английская публика 1611 года самый ничтожный сборник стихов, хотя бы по-гречески, хотя бы на никому не понятном утопическом языке, предпочитала даже очень занятой английской прозе.

Литературные пристрастия повторяются капризно, едва ли доступны какой-нибудь регуляции, и русская публика последних лет вдруг (вероятно, для самой себя неожиданно) уподобилась елизаветинским англичанам.

Стихомания расцвела пышно, несмотря на неурядицы, на недостатки бумаги, на типографские цены, несмотря ни на что, книги, книжечки, книжонки, брошюры, листовки, написанные стихами, выходили. Не выходили временно печатные – выходили рукописные, устраивались словесные «альманахи и сборники».

Поэтические студии начали считаться необходимою принадлежностью самых неожиданных учреждений. Я не уверен, что таковых не существовало при пожарных командах и домах для умалишенных. В Москве, этом испытанном очаге всяческих словопрений и идеологий, каждый день провозглашались новые поэтические школы. Провинция не отставала. В Петербурге школ новых не обнаруживалось, но новых поэтов выступило не меньше, чем везде. Подобное увлечение стихотворством почти сравнялось с театральной эпидемией, при которой одно время в Петербурге число играющих граждан превосходило количество неиграющих. Напрасно Б. Эйхенбаум три или четыре года тому назад предсказывал близкое преобладание прозы, пророчество это покуда не исполнилось. Парнас зарос и продолжает зарастать. «Побеги трав»? Конечно, есть и побеги трав, но есть и такие растения, которым еще долго следовало бы сидеть под землею, встречаются также экземпляры молодые, но уже из гербария студий, которые едва ли можно вернуть к жизненной свежести. Всю эту обильную флору вызвало на свет Божий солнце спроса. Покуда будет спрос, будет и предложение; когда же спрос прекратится, поэзия, конечно, не пострадает, но производство стихов уменьшится. Причем в данном случае более чем где бы то ни было уместна аналогия с изречением, что «всякий народ имеет ту форму правления, которой заслуживает». Современный поэтический спрос удовлетворяется именно таким образом, как он этого заслуживает. И если увлечение публики направлено исключительно на стихотворную форму, только эту форму ему и предлагают. Форма же дело наживное, студий у нас много. Выучиться писать стихи может всякий, у кого достаточно свободного времени, упрямства и честолюбия. Три качества, свойственные скорее женщинам, – а, действительно, поэтесс у нас не меньше, если не больше, чем поэтов.

Не легко разобраться в этих зарослях, отчасти диких, отчасти насаженных вроде питомника, тем более что из-за всяких лопухов порой не разглядишь иного молодого растения, которое, взятое отдельно, имело бы полное право на внимание, слабое, но новое своею милою жизненностью. Самое естественное было бы рассматривать каждого поэта отдельно, но, во-первых, в общей среде это неисполнимо, во-вторых, сами поэты выступают и утверждают себя если не стадами, то известными (часто случайными, почти район-

ными) группами. Но и по группам разбирать весь этот парнасский рой, при всей готовности, нелегко. Разбирать ли их по школам, часто иллюзорным, по городам, по издательствам, по адресам, по личному их между собой знакомству? Все эти подразделения, пригодные в равной мере для известной характеристики, необязательны и неточны. Причем, я думаю, сами же «цех поэтов», «вольное содружество поэтов», «пролетарские поэты» удивились бы, если б их приняли за литературное течение: звание поэта из цеха звучит не более определенно, чем «едок Дома литераторов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.